

Зона племен... Так называют огромную горную территорию, которая протянулась 600-километровой полосой с северо-востока на юго-запад по обе стороны афгано-пакистанской границы. Численность пуштунов, проживающих здесь, оценивается в 15,5-16 миллионов человек. Это шестьдесят различных племен, состоящих из 405 кланов и родов. В наследие от английских колонизаторов, разделивших Пуштунистан так называемой «линией Дюранда» (см. «Комсомольскую правду» за 14 января с. г.), племенам остался клубок острейших проблем.

Неспокойно сегодня вдоль границы. Темными ночами через земли пуштунов проходят из Пакистана караваны с боевым снаряжением для афганских душманов. Пуштунам издавна разрешено носить оружие, они пользуются целым рядом свобод и привилегий, оговоренных еще в прошлом веке. Против кого будет направлено это оружие? Поддержат племена власть Кабула (и значит, поставят надежный заслон душманам почти на всем протяжении границы) или пойдут на поводу у контрреволюции, станут пятой колонной реакционных сил?

На первых порах, умело воспользовавшись сначала нерешительностью революции, а затем многочисленными ошибками Амина, штабы исламских партий и группировок добились явного перевеса в пограничной зоне. Часть племен поверила лозунгам «джихада», то есть «священной войны с неверными», часть заняла выжидательную позицию. Потребовалось время, чтобы пуштуны стали разбираться в происходящем, отличать друзей от врагов, правду от лжи.

В конце прошлого года на территории Пакистана восстали племена африди и шинвари. Что стоит за этим конфликтом? Как развиваются события в районе Хайберского перевала? Какой была реакция остальных Пуштунистан на вызов, брошенный двумя племенами? Эти вопросы волнуют сегодня многих. По обе стороны баррикады хорошо понимают, что пуштунский фактор может стать решающим в процессе стабилизации обстановки в Афганистане.

Стоп! Дальше нельзя. Никто не хочет гарантировать мою безопасность в путешествии к границе. Роптать бессмысленно. «Вот пойдет вскоре пограничная бригада — с броней, танками, тогда у Вас будет шанс», — обещает мой старый афганский друг эксперт по племенам товарищ Мултон.

Накануне ночью душманские банды сняли несколько пограничных постов. Есть потери. Район к юго-востоку от Джелалабада, еще недавно считавшийся почти спокойным, сегодня кишит мятежниками, стянутыми из других, даже отдаленных мест. Бригада пойдет выбивать их, и наверняка ее ждут тяжелые бои. Потому что банды просочились сюда не просто так, вернее, не с обычным, рядовым заданием — что-то взорвать, кого-то убить, где-то грабануть, после чего срочно уносить ноги, — а с приказом: стоять насмерть. Банды блокируют границу, не пропуская через нее бойцов из племен африди и шинвари, которые приходили в Афганистан за помощью. У пограничного пункта Торхам дорогу перекрыли регулярные пакистанские части. Трудно будет племенам прорываться домой.

Их — несколько сотен мужчин, в конце прошлого года оказавшихся на территории ДРА. У каждого — свой личный счет к пакистанским властям и афганским душманам, единым союзом выступившим против свободных племен.

...Мы встретились неподалеку от границы. Сафир уже несколько недель искал возможность вернуться домой. До того, как пакистанские власти бульдозерами и танками снесли, разрушили в пыль его дом, он был торговцем. Грамотный: закончил двенадцать классов лица и исламский колледж в Пешаваре. Судя по всему, принадлежит к верхушке своего клана. У него холеные руки с отполированными хной ногтями. Две жены — тоже явный признак небедной жизни. Он владел несколькими дуканами в городе Джамруд, который находится на шоссе Торхам — Пешавар. «Чем торговал?» «Разным, — неопределенно отвечает Сафир. — Лесом, мясом, мануфактурой... Но теперь там самый прибыльный товар — это гробы».

Он поднимает на меня свои карие, с красноватыми белками глаза) будто спрашивая: правильно ли я его понял? Мне кажется, что я понимаю правильно. Фраза о гробах сказана не случайно. Пуштун хоронят своих покойников завернутыми в саваны — значит, Сафир имеет в виду потерю пакистанских войск.

— Да, я много слышал о храбрости ваших людей.

— Лично я убил троих врагов, — с гордостью тут же объявляет Сафир.

Теперь самое время выпросить, что же все-таки там у них произошло?

— Пакистанское правительство, — рассказывает Сафир, — не хотело мириться с привилегиями зоны племен. Свободолюбивые, независимые пуштуны, да еще сплошь вооруженные, для генерала Зия-уль-Хака были костью в горле. Терпели нас до тех пор, пока мы не чинили препятствий душманам.

От Джамруда до Пешавара всего 15 километров. А Пешавар, как теперь всему миру известно, стал центром афганских контрреволюционеров. В городе находятся штаб-квартиры исламских союзов и организаций, в окрестностях — россыпь лагерей и учебных центров, которые плодят террористов, провокаторов, диверсантов. Сначала людям из африди объяснили, что лагерь создан для беженцев, попросили оказывать им традиционное гостеприимство. Многие горцы, потеснившись, приютили у себя этих самых «беженцев», делились с ними пищей и одеждой. Не сразу поняли, какую змею пригрели. Поняли, когда банды, распоясавшись, стали терроризировать местное население, заниматься обыкновенным разбоем. И тогда — осенью прошлого года — вождь африди Вали Хан Кукихайль с одобрения старейшин и авторитетов создал вооруженное ополчение (лашкар) численностью до 10 тысяч человек. Для защиты жизненных интересов племен, а проще сказать — жилищ, полей, пастбищ. Силу этого боевого объединения довольно скоро испытали афганские бандиты, коим здесь «перекрыли кислород». Но удушье почувствовали в довольно далеком от Хайбера.

Из Пешавара явился представитель властей, «Или ты вместе со всем лашкаром складываешь оружие, или мы уничтожим твой дом», — заявил он Вали Хану. Вождь отказался. Его дом обстрелива-

ПУШТУНСКИЙ ФАКТОР

Наш специальный корреспондент передает из «зоны свободных племен»

ли из пушек в течение 45 минут (!). Почти все мужчины из Джамруда в тот же день ушли в горы.

Так вспыхнул очаг, который теперь грозит охватить большим пожаром весь Пуштунистан.

В Хайбер направили регулярные воинские части, однако воевать им оказалось не с кем: жители скрылись в горах. Тогда каратели взяли яростно сокрушать дома пуштунов — танками, бульдозерами, взрывчаткой. Только в одном Джамруде было разрушено 130 домов, еще около сотни — в окрестных селениях.

Сафир рассказал мне о любопытном диалоге, который будто бы состоялся между губернатором Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и высшим должностным чиновником Пакистана. Губернатор просил не трогать дома, дескать, а не придется ли потом платить пуштуну компенсацию? На что в Исламабаде ему ответили: «Если потребуются, все расходы оплатят американцы».

Вот так... Похоже, музыку заказывали далеко-далеко от Хайберского перевала.

Вскоре пуштунам предъявили новый ультиматум: сдать до 2 ноября, иначе карательные акции примут еще более широкий размах. В ответ с гор последовала целая серия разящих ударов: повстанцы напали на душманские базы и армейские посты. Несколько мощных взрывов прогремели в Пешаваре. Власти заволновались. В Хайбер направили бронетанковые войска, а заодно 1200 гробов. Исламабад осознал, какая грозная сила разбужена. Тем более что соседнее племя шинвари тоже отказалось подчиниться диктату силы и выступило заодно с африди.

Не вышло кнутом — протянули пряник: правительство предложило Вали Хану отступить. Тот ответил встречными требованиями: во-первых, Исламабад должен обещать полное уважение прав и свобод пуштунских племен, а во-вторых, закрыть все каналы помощи афганским мятежникам и в первую очередь ликвидировать их базы в районе Хайбера. Зия-уль-Хак отказал (да и кто бы ему позволил?), а ситуация тем временем стала развиваться по принципу цепной реакции: по всей зоне племен — от Пешавара до Кветты — волной прокатились джирги (советы), выразившие солидарность с борьбой африди и шинвари. Стали формироваться боевые отряды и заставы для уничтожения душманских банд. В Кабул отпразднили седобородые старцы, чтобы засвидетельствовать свое уважение демократической республике и обещать ей поддержку.

— ПОЧЕМУ же некоторые племена — особенно из тех, которые находятся на территории ДРА, — все еще на стороне душманов? — спросил я Сафира.

Ответил он сразу, убежденно в коротко:

— Их купили.

При всей своей простоте этот довод чрезвычайно близок к истине.

Между разными пуштунскими племенами и даже кланами внутри племен редко на-

ступали мир я единство. Истоки разногласий восходят к колониальному вероломству англичан, которые так поделили а свое время зону племен, что до сих пор среди горцев не утихают споры по поводу владения лесными угодьями, караванными тропами, полями и пастбищами. Расчет был стратегически подл: поднаторевшие в реализации принципа «разделяй и властвуй» англичане тут, кажется, превзошли сами себя, ибо и спустя многие десятилетия пуштуны не могут стряхнуть путы, искусно накинутые на них еще в прошлом веке.

Контрреволюция, сделав ставку на пуштунский фактор, учла, кажется, все — и племенную рознь, и абсолютную политическую безграмотность горцев, и специфику разделе-

тельно повернулся к губернатору округа Рахимголю.

— Да, да! — радостно крикнул он сквозь гул двигателей. — Флаг! Джаджи-майдан. Пост. Вон там еще один флаг. И еще...

Редко когда так трепетало сердце, как сейчас.

Мы у себя дома привыкли к кумачу знамен, они — деталь нашей повседневной социалистической жизни. А здесь, очень далеко от Москвы, далеко от Кабула, родные красные флаги вызвали целую бурю чувств. Гордость за идеи свободы, которые пробилась и в эту глухомань. Восхищение живущими здесь людьми, так открыто и дерзко провозгласившими свою причастность к борьбе за новую жизнь.

Атмосфера в нашем верто-

лете сразу стала другой, люди оживились, задвигались. Напряжения и скованности будто и не было.

Вот когда понимаешь, что с красным флагом и в атаку легче было вставать.

Приземлились в ущелье на пологом склоне горы, рядом с выложенными из светлого камня домами.

Нас обступили сверкающие белозубыми улыбками мужчины и мальчишки — одинаковым в них было то, что каждый носил оружие.

— Можно ли зайти в дом к кому-то из местных жителей? — моя просьба сначала вызвала у хозяев легкое замешательство.

— Хорошо, — согласился наконец один из них, — только я должен предупредить женщин.

Дом не такой, какие афганцы строят в центре страны. Там главный материал — глина, здесь — камень. Из камня выложены стены двухэтажного жилья и все вспомогательные постройки.

Во дворе перед входом в дом — овальная, похожая на яйцо с отбитым верхом, печь для выпечки лепешек. На первом этаже сквозит дым очага, тлеющего прямо на полу посреди комнаты, различаю коз, овец, кур. Тут же к стенам жмутся чумазы, увешанные монистами девочки в цветастых платьях, они изумленно рассматривают меня. Похоже, я для них выгляжу куда более диковинно, чем они для меня.

— А где же люди живут?

— Здесь, — поводит вокруг рукой мой проводящий, показывая на абсолютно голую, без всяких признаков мебели, без единого окна дымную комнату. — И там, — жест рукой на второй этаж.

Поднимаемся вверх. На каменном полу тлеет костер. Возле него греется старуха, которая при нашем появлении не выказывает ни удивления, ни гостеприимства.

Дома теснятся один к другому, образуя сплошной каменный форт, где все предусмотрено для ведения длительной обороны.

Я спросил, чем Гордятся люди из джаджи-майдан? «Через нашу территорию за все эти годы не прошел ни один душман», — ответили мне. — У нас любой мальчик, любая женщина умеют пользоваться оружием».

Племя джаджи-майдан, столь демонстративно провозгласившее свою верность апрельской революции, подвело множество яростных атак. Пакистан — вот он, за соседней горкой, откуда регулярно приходят банды мятежников. Девять месяцев длилась последняя осада революционного племени. Минуетным и артиллерийским огнем банды разрушили школу, превратили в прах многие жилые дома. В селении начался голод. Горцы не сдавались. Девять месяцев... Даже женщины ходили в атаку, когда потребовалось отбить у душманов нависшую прямо над селением гору. 153 человека потеряло в тех боях племя джаджи-майдан. Наконец из Хоста прорвалась подмога: колонна с боеприпасами, хлебом, армейские подразделения. Отбросили врага за кордон. А на всех окрестных вершинах укрепили гордые красные флаги — как символ прочности новой власти.

...Читаю последние сообщения из Хоста — там снова идут бои. Возможно, вот в эту самую минуту мой друг зья-пуштуны отбивают очередную налет. Бандиты стреляют в их скромные дома. В их лукавых девочек с монистами. В их красные флаги. Снова надо держать оборону.

Мне кажется, им теперь легче, чем прежде. Они знают, что на востоке, за тремя хребтами, так же бьются африди и шинвари. А на западе поднимаются нурзай. И в Кабуле помнят про них, и в беде не оставят. Пуштунский фактор работает на апрельскую революцию.

В. СНЕГИРЕВ.
Афганистан, февраль.
Фото автора.